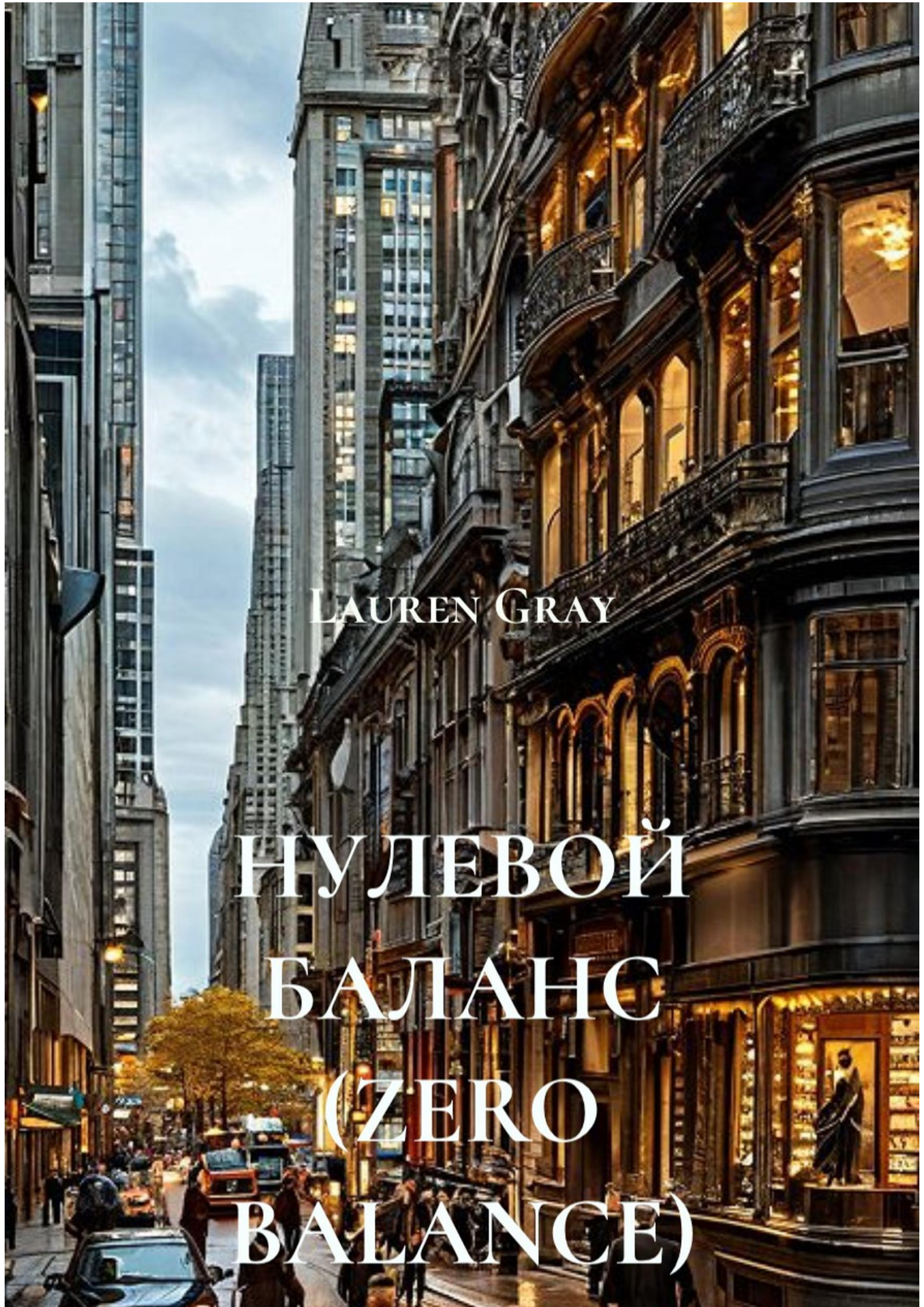

LAUREN GRAY

НУЛЕВОЙ
БАЛАНС
(ZERO
BALANCE)

Lauren Gray

**НУЛЕВОЙ БАЛАНС
(ZERO BALANCE)**

«Автор»

2026

Gray L.

НУЛЕВОЙ БАЛАНС (ZERO BALANCE) / L. Gray — «Автор»,
2026

Четыре миллиарда евро бесследно испарились со счетов ювелирной империи «Берн Ювелир». Через три дня после похорон магната трое его детей собираются в небоскребе ради раздела долей. Но вместо нотариуса к ним выходит Эвальд Торн — независимый аудитор и ментальный хирург, не знающий жалости. Посмертный приказ покойного лаконичен: все счета, карты и имущество наследников блокируются. У них есть ровно семь дней. Либо они сами назовут имя того, кто годами грабил семейный фонд, либо весь капитал уйдет на благотворительность, а Торн передаст уголовные досье в прокуратуру. Эвальд начинает обратный отсчет. Используя логику и метод шоковой провокации, он ломает психологические защиты наследников. Но когда под заблокированной башней обнаруживается зацементированный труп, аудитор понимает: трое богачей — лишь пешки. Партию ведет невидимый гроссмейстер из прошлого, и баланс этой игры он намерен свести к нулю. Вместе с их жизнями.

© Gray L., 2026

© Автор, 2026

Lauren Gray

НУЛЕВОЙ БАЛАНС (ZERO BALANCE)

НУЛЕВОЙ БАЛАНС (ZERO BALANCE)

Слоган: У каждого греха есть своя цена деления.

Глава 1. Входной аудит (Entry Audit)

Зал заседаний на сороковом этаже небоскреба «Торн-Плаза» выглядел как памятник человеческому тщеславию. Пол из белого итальянского мрамора, панорамные окна с видом на утопающий в холодном осеннем ливне город и массивный стол из мореного дуба. За этим столом сидели трое. Наследники ювелирной империи Берн.

Прошло ровно трое суток со дня похорон их отца, магната Артура Берна. Слез не было. Было лишь гнетущее, осязаемое ожидание денег.

— Кристиан, прекрати стучать кольцом по столу. Это раздражает, — Оливия Берн даже не повернула головы. Она сидела идеально прямо, завернутая в безупречный черный костюм от Савиль Роу. В ее тридцать пять лет на лице не было ни одной лишней морщины, а в глазах — ни единого намека на скорбь. Только холодный расчет.

— А ты прекрати дышать так, будто этот воздух принадлежит тебе одной, сестренка, — огрызнулся Кристиан. Старший сын. Тридцать восемь лет. Дорогой, но слегка помятый пиджак, слишком быстрыми движениями налитая в бокал минеральная вода. Под его глазами залегли тени — следствие бурной ночи в закрытом покерном клубе, где он снова оставил шестизначную сумму.

— Заткнитесь оба, — подал голос младший, Филипп. Двадцать пять лет, золотой мальчик, лениво развалившийся в кожаном кресле с последней моделью смартфона в руке. — Какая разница? Через полчаса юристы зачитают завещание. Мы получим свои миллиарды, разделим доли и разъедемся. Я лично больше никогда не хочу видеть ваши физиономии.

Дверь в зал заседаний открылась ровно в 12:00. Секунда в секунду.

Но вошел не старый семейный нотариус. В комнату вошел мужчина в строгом графитовом костюме-тройке. Высокий, подтянутый, с аккуратно зачесанными назад седеющими волосами и ледяными серыми глазами. В его руке был тяжелый кожаный портфель. На его лице не было улыбки. Не было и тени вежливости.

Мужчина прошел к главе стола — месту, которое всегда занимал их покойный отец — и спокойно сел. Портфель со щелчком открылся.

— Вы кто такой? — Кристиан нахмурился, подаваясь вперед. — Где адвокат? Выйдите из кабинета, у нас закрытая семейная встреча.

Мужчина не ответил. Он достал из портфеля тяжелую пожелтелую папку, положил её перед собой, а рядом разместил старый кассетный диктофон. Нажал массивную кнопку. Лента с тихим шуршанием поползла внутри пластикового корпуса.

— Меня зовут Эвальд Торн, — его голос прозвучал тихо, но этот тон заставил Филиппа оторваться от телефона, а Оливию — сузить глаза. — Я независимый корпоративный аудитор и кризис-менеджер. И с этой секунды, господа Берн, ваша беззаботная жизнь подошла к концу.

— Что за бред?.. — Филипп попытался усмехнуться, но осекся под ледяным взглядом Торна.

— Три недели назад ваш отец, Артур Берн, нанял меня для проведения полного внутреннего аудита семейных активов, — Эвальд открыл папку. — Он обнаружил, что за последние пятнадцать лет из основного инвестиционного фонда компании было методично и профессионально выведено чуть более четырех миллиардов евро. Деньги уходили через сеть офшоров на Кипре и Каймановых островах. Кто-то из вас троих медленно, но верно обескровливал империю Берн.

В зале повисла мертвая тишина. Было слышно только, как капли дождя бьют в панорамное стекло сорокового этажа.

— Это обвинение? — Оливия сложила руки на груди. Её голос оставался стальным, но пальцы слегка сжались. — Мой отец был параноиком в последние годы. Он мог ошибиться. И какое отношение это имеет к нашему наследству? Завещание должно быть исполнено.

— Ваш отец не ошибся, — Эвальд достал из папки первый лист. — Вот выписка со счетов компании. А вот распоряжение, подписанное Артуром Берном за два часа до его остановки сердца. Согласно этому документу, процедура вступления в наследство заморожена.

— Что?! — Кристиан резко вскочил, едва не опрокинув бокал. — Ты не имеешь права! Это наши деньги!

— Сядьте, Кристиан, — тихо, но с железной силой в голосе произнес Эвальд. — Ваши личные банковские карты, включая кредитные линии, привязанные к фонду, заблокированы десять минут назад. Ваши загородные дома, яхты и доли в бизнесе находятся под временным арестом до окончания моей проверки. У вас нет денег. С этой минуты вы — банкроты, живущие на пособие, которое я лично буду вам выделять, если вы будете вести себя тихо.

Кристиан побледнел. В его голове мгновенно всплыли лица кредиторов из казино, которым он обещал вернуть долги сегодня вечером.

— Условия вашего отца просты, — продолжал Торн, переводя взгляд с одного наследника на другого. — У меня есть ровно семь дней. Семь дней входного аудита. Я переверну вверх дном каждую вашу налоговую декларацию, каждую тайную интрижку, каждый цент, который вы потратили за эти годы. Если через неделю виновный в краже четырех миллиардов не признается или я не вычислю его сам — весь капитал империи Берн автоматически переходит в благотворительный фонд борьбы с деменцией. А готовое досье на каждого из вас отправится в генеральную прокуратуру.

— Вы блефуете, — прошептал Филипп, глядя на экран своего телефона, где только что всплыло уведомление от банка: «*Ваш счет заблокирован*». Ловкие пальцы парня задрожали.

— Я никогда не блефую. Это неэффективно, — Эвальд Торн закрыл папку и посмотрел на часы на запястье. — Сейчас 12:05. Понедельник. Время пошло, господа. Наш первый индивидуальный допрос начнется завтра утром. Кристиан, вы будете первым. Советую вспомнить, на что вы потратили триста тысяч евро в прошлый четверг в закрытом клубе «Рояль».

Кристиан застыл, его рот приоткрылся от шока. Откуда этот человек мог знать?

Эвальд встал, застегнул пуговицу пиджака, забрал диктофон и портфель. У самой двери он остановился и обернулся:

— И еще одно. Не пытайтесь покинуть страну. Ваши паспорта аннулированы в базе пограничного контроля. Хорошего дня.

Дверь закрылась. В зале заседаний воцарился первобытный характерный страх. Идеальный фасад семьи Берн дал первую глубокую трещину.

Глава 2. Синдром отмены (Withdrawal Syndrome)

Вторник встретил город еще более плотным ливнем. Стекло в небольшом кабинете, который Эвальд Торн занял на сороковом этаже, покрылось изнутри мелкой изморозью. В комнате не было ничего лишнего: стол, два стула, папка с документами и неизменный кассетный диктофон. Никаких ноутбуков. Эвальд верил только бумаге — бумага не умеет скрывать текстуру лжи.

Кристиан Берн вошел ровно в девять утра. Точнее, почти вбежал. Его дорогой костюм выглядел так, словно мужчина в нем спал. На скулах гуляли желваки, а пальцы судорожно сжимали пустой бумажный стаканчик из-под кофе.

— Я требую вернуть мне доступ к счету, — с порога выплюнул Кристиан, даже не садясь. — Мои юристы уже составляют иск. Ты не имеешь права удерживать мои личные средства. Мне нужно сделать один важный перевод. Прямо сегодня.

Эвальд даже не поднял глаз от документов. Он аккуратно перевернул страницу.

— Садитесь, Кристиан.

— Ты меня слышишь, аудитор?! — Кристиан ударил ладонью по дубовому столу. — Мне плевать на твои игры! Если я не переведу триста тысяч евро до четырех часов дня, меня найдут в сточной канаве. Ты этого хочешь?

Эвальд медленно поднял голову. Его серые глаза были абсолютно спокойными, в них не было ни капли сочувствия — лишь холодный интерес исследователя, наблюдающего за насекомым в банке.

— Клуб «Рояль». Владелец — некий Борис «Бритва» Левин. Вы проиграли эти деньги в прошлый четверг, верно? Причем играли на чужие средства, взятые из резервного фонда филиала «Берн Ювелир» в Антверпене.

Кристиан осекся. Его рука, зависшая над столом, мелко задрожала. Он медленно опустился на стул напротив Эвальда.

— Откуда... откуда ты...

— Вы предсказуемы, — Торн нажал кнопку диктофона. Лента зашуршала. — Люди с вашей формой зависимости всегда совершают одну и ту же ошибку. Вы думаете, что контролируете систему, но система контролирует вас. Вы крадете деньги у отца, чтобы покрыть долги, надеясь отыграться. Но вы не отыграетесь. Ваш IQ равен 112 пунктам. Это чуть выше среднего. IQ Гроссмейстера, который ведет игру против вас в казино — 140. Вы были обречены на проигрыш еще до того, как сели за стол.

— Я не крал четыре миллиарда! — Кристиан перешел на сиплый шепот, подаваясь вперед. — Да, я брал по мелочи... Сто тысяч, двести, полмиллиона. Но четыре миллиарда?! Это абсурд! Такую сумму невозможно вывести пятнадцать лет и оставаться незамеченным. Отец бы увидел!

— Отец увидел, — Эвальд достал из папки плотный лист бумаги с подписями. — Это контракт на закупку необработанных алмазов из Сьерра-Леоне от двенадцатого марта четырнадцатого года. Сумма сделки — восемьдесят миллионов евро. Деньги ушли. Алмазы так и не поступили. Посмотри на подпись твоего отца внизу.

Кристиан взглянул на лист. Подпись Артура Берна выглядела безупречно — размашистая, с характерным завитком на конце.

— И что? Это его подпись. Он сам одобрил перевод.

— Нет, — Эвальд вытащил из кармана небольшую лупу и положил её на стол. — Посмотри ближе. Нажим пера везде одинаковый. Артур Берн страдал легким тремором правой руки последние двадцать лет из-за микроинсульта. Его настоящая подпись всегда имеет микроскопические колебания на вертикальных линиях. А эта — идеально ровная. Это высококлассная подделка, выполненная с помощью светового стола и каллиграфического пера. Тот, кто это сделал, имел неограниченный доступ к личным документам отца и его рабочему столу.

Кристиан сглотнул. Цвет его лица теперь напоминал серый гранит за окном.

— Я... я не умею так подделывать. Я вообще редко бывал в его кабинете. Он меня туда не пускал.

— Я знаю, — Эвальд плавно убрал лупу обратно. — У вас синдром отмены, Кристиан. Без денег вы никто. Но вы не грабили фонд на миллиарды. У вас просто не хватило бы интеллекта выстроить такую сложную офшорную сеть. Вы слишком импульсивны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.